

— Я вырос среди запахов лекарств и к ним весьма чувствителен, — слегка помедлив, сказал Цзян Шинин. — Запах в той комнате показался мне знакомым, на семь частей схожим с лекарством, что долгие годы принимал один сосед, обращавшийся в наш лекарьский зал клана Цзян.

— От какой же хвори то снадобье? — спросил Сюэ Сянь.

Цзян Шинин помедлил ещё мгновение:

— От потери души.

Страдающие потерей души часто не спят всю ночь, их одолевают тревоги и кошмары, а порой, проснувшись, они забывают о недавних событиях, память их становится дырявой, будто душа покинула тело. Оттого и зовётся недуг так.

— Потеря души? Этот лысый? — Сюэ Сянь фыркнул и отмахнулся. — Да где у него хоть намёк на тревоги, кошмары или помутнение рассудка? Не может быть.

— Выглядит он и вправду не так, будто память повреждена, но... — Цзян Шинин, припоминая, продолжил:

— Насколько я видел, у некоторых страдающих потерей души симптомы проявляются явно: из-за пробелов или путаницы в памяти они говорят с неуверенностью, весь день выглядят вялыми, безжизненными. Но есть и другие — вероятно, от природы более осторожные, — они крайне недоверчивы к незнакомцам, в речах всегда сдержанны, всячески обходят места, где память подводит, говорят лишь о том, что помнят. При поверхностном общении и вправду не разглядеть проблемы.

Выслушав это, Сюэ Сянь пожал плечами:

— Даже если это более осторожные из последних, они же не будут слоняться по улицам! Раз не хотят, чтобы заметили, будут действовать осмотрительно, избегать излишних контактов, дабы не выдать себя. Какой же потерявший память станет в одиночку странствовать, нарываясь и на людей, и на призраков? Это уже не потеря памяти, а потеря рассудка.

Цзян Шинин кивнул:

— Тоже верно.

— Но даже если не потеря души, у этого лысого есть иные проблемы, — вспомнив, как Сюань Минь, не договорив, внезапно опёрся о стол и сел, Сюэ Сянь сказал серьёзно. — Человек с неясным прошлым и непостижимой глубиной вряд ли будет скитаться без цели. В Нинъян он пришёл неспроста. Однако за целый день он совершил лишь два дела, к нему прямого отношения не имевших: поймал нас и разрушил фэншуй-устройство в доме Лю.

Цзян Шинин, выслушав, не удержался и добавил:

— Он ещё и проводил старую госпожу Лю, и помог мне вызвать колокольчик лекаря, и тебе достал золотую жемчужину, и...

Не договорив, он замолчал. Ибо, если подумать, действия Сюань Миня становились ещё более бесцельными. Будь это пустяковые одолжения — куда ни шло, но на самом деле они заставили его потратить в усадьбе Лю целое утро, что отняло и время, и силы. Чего же он добивался?

— Из его прежних слов явствовало, будто он намерен проводить Будду до Западного рая и доставить твой колокольчик к сестре, — продолжая играть с жемчужиной, Сюэ Сянь добавил ещё. — В Аньцине я как-то бывал, от Нинъяна не за тридевять земель, но всё же река разделяет. Если он и вправду помогает просто так, без всякой цели, то это уж слишком радушно. А у этого лысого лицо — хоть вечную зиму встречай, хоть северный ветер слушай, к слову «радушие» и на пол-иероглифа не подступиться.

Сказав это, Сюэ Сянь невольно представил себе, каков бы был лысый, возгоревшись радушием.

Спустя мгновение этот негодник содрогнулся с макушки до пят, с каменным лицом изрёк:

— Спасите, чуть не умер от страха.

Цзян Шинин: «...»

Пусть этот предок и казался ненадёжным, слова его были вполне резонны. Однако, говоря о бесцельной помощи другим, Цзян Шинин взглянул на него:

— В свой первый день в Нинъяне ты тоже делом не занимался, только смастерил мне бумажную оболочку...

— Это другое, — отозвался Сюэ Сянь не задумываясь.

— По правде говоря, я так и не понял: домов в Нинъяне — не счесть, почему же ты выбрал именно наш заброшенный, — покачал головой Цзян Шинин. — И холодно там, и темно, света белого не видать, вкусы у тебя и впрямь особенные, любишь себе трудности создавать.

— А я хочу, и что ты сделаешь? — парировал Сюэ Сянь, огрызаясь.

Сей не умеющий нормально говорить предок, вступая в пререкания, даже не смотрел на собеседника, лишь любовался своей драгоценной жемчужиной.

Тёплый жёлтый свет свечи придавал бледной коже Сюэ Сяня толику живости. Хотя из уст его и лились речи, пощёчины просящие, наружность была что надо — под длинными густыми ресницами лежала тень, а в его лениво полуприкрытых глазах отражались масляно-жёлтая, прозрачная жемчужина и кружащий за дверью густой снег.

Домов в Нинъяне, где можно укрыться от ветра и дождя, — несть числа, почему же он выбрал именно лекарский зал семьи Цзян, да ещё потратил целый день, дабы смастерить этому учёному бумажную оболочку?..

Подробных причин Сюэ Сянь уже не помнил. Продолжительность его жизни по сравнению с обычными людьми была поистине велика, и если бы он запоминал каждую мелочь каждого дня, его драконья голова, пожалуй, давно бы лопнула.

Помнил он лишь, что одной зимой, по неким делам, он отправился на север, а на обратном пути случайно проходил через Нинъян.

То был, должно быть, вечер. В Нинъяне шёл такой же редкий сильный снег, как и нынешней ночью, на улицах почти не было прохожих, даже лотки харчевен и винных лавок давно убрали, и вся улица казалась пустынной.

Тогда Сюэ Сянь ещё не лишился костей и сухожилий, и ноги слушались его. Его тело

истинного дракона, естественно, не боялось холода, ветер и снег были для него лишь зимними украшениями. Так что, облачённый в тонкий чёрный халат, он неспешно шёл по снегу. Но едва он достиг выхода из одного переулка, как кто-то схватил его за руку.

Характер у Сюэ Сяня был замкнутый, он никогда не любил тесного общения с другими, а уж тем более не привык, чтобы его хватили и тащили.

Нахмурившись с досадой, он обернулся и увидел, что держит его мужчина средних лет в сером стёганом халате. Тот держал масляно-бумажный зонт, через плечо был перекинут квадратный деревянный ящик с матерчатой лямкой. Судя по следам, он вышел из переулка.

Облик того мужчины Сюэ Сянь помнил уже смутно, лишь то, что у него была борода и добродушное лицо.

Схватив Сюэ Сяня, он тут же указал на его кисть:

— Такая глубокая рана, если не наложить лекарство и не перевязать, плоть и кожа замёрзнут. В такую сырую стужу, если продрогнешь дня два, потом каждый год в дождь и снег будет ломить — натерпишься.

Мужчина говорил словоохотливо, совсем как с младшим в семье, безо всякой церемонии, отчего Сюэ Сянь опешил и машинально взглянул на свою руку.

Та рука, что держал мужчина, и вправду была ранена — след от недавней оплошности, когда его задел дождевой гром. Для него такая рана была всё равно что слегка ободрать кожу о ветку при ходьбе — забудешь вмиг, дня за два заживёт как новенькая. Но в глазах обычного человека она выглядела весьма устрашающе — ведь пересекала пол-тыла ладони, кровь запеклась по краям, плоть вывернулась наружу, виднелась кость.

Не говоря ни слова, мужчина потащил не успевшего опомниться Сюэ Сяня немного вглубь переулка, откуда пришёл, и остановился перед воротами, выкрашенными красной краской.

Видимо, это был его дом. Тут же он, приоткрыв одну створку ворот, крикнул внутрь — вероятно, чьё-то имя, — а затем добавил:

— Принеси ту ручную жаровню, что на моём столе.

Сказав это, он открыл крышку деревянного ящика и, не теряя ни мгновения, тщательно наложил на рану Сюэ Сяня лекарство.

Человек из дома быстро подошёл к воротам и протянул маленькую медную жаровню.

Сюэ Сянь мельком взглянул: жаровню подавала женщина средних лет, с тем же добродушием во облике, что и у мужчины. А позади неё выглядывал мальчишка лет семи-восьми, который, встретившись с Сюэ Сянем взглядом, улыбнулся ему. И с серьёзным видом, указывая на его руку, изрёк:

— Два дня нельзя мочить, особенно холодной водой.

— Иди-ка, учи свои книжки, — с улыбкой обернулась женщина его прогонять, а затем, повернувшись к Сюэ Сяню, сказала:

— И вправду нельзя мочить, в такую погоду особенно нужно беречь, а не то заведётся боль,

каждый год будет мучить.

Слова — один в один как у мужчины.

— Ты в пути или как? Не хочешь зайти, погреться? — аккуратно перевязав ему руку тонкой холстиной и стараясь не задеть больное место, добродушно спросил мужчина.

— Нет, дела ещё есть, — ответил Сюэ Сянь и, помедлив, добавил с некоторой неловкостью:

— Потрудились, спасибо.

— Тогда возьми эту жаровню, такие раны нужно греть, — не слушая возражений, мужчина сунул Сюэ Сяню в руки жаровню размером с пол-ладони.

Сюэ Сянь, хоть и не боялся холода, но тепло от холода всё же различал. Когда тёплая жаровня коснулась ладони, он поднял глаза и скользнул взглядом по табличке над воротами того дома, где было написано четыре иероглифа: «Лекарьский зал клана Цзян».

<http://bllate.org/book/16289/1467863>